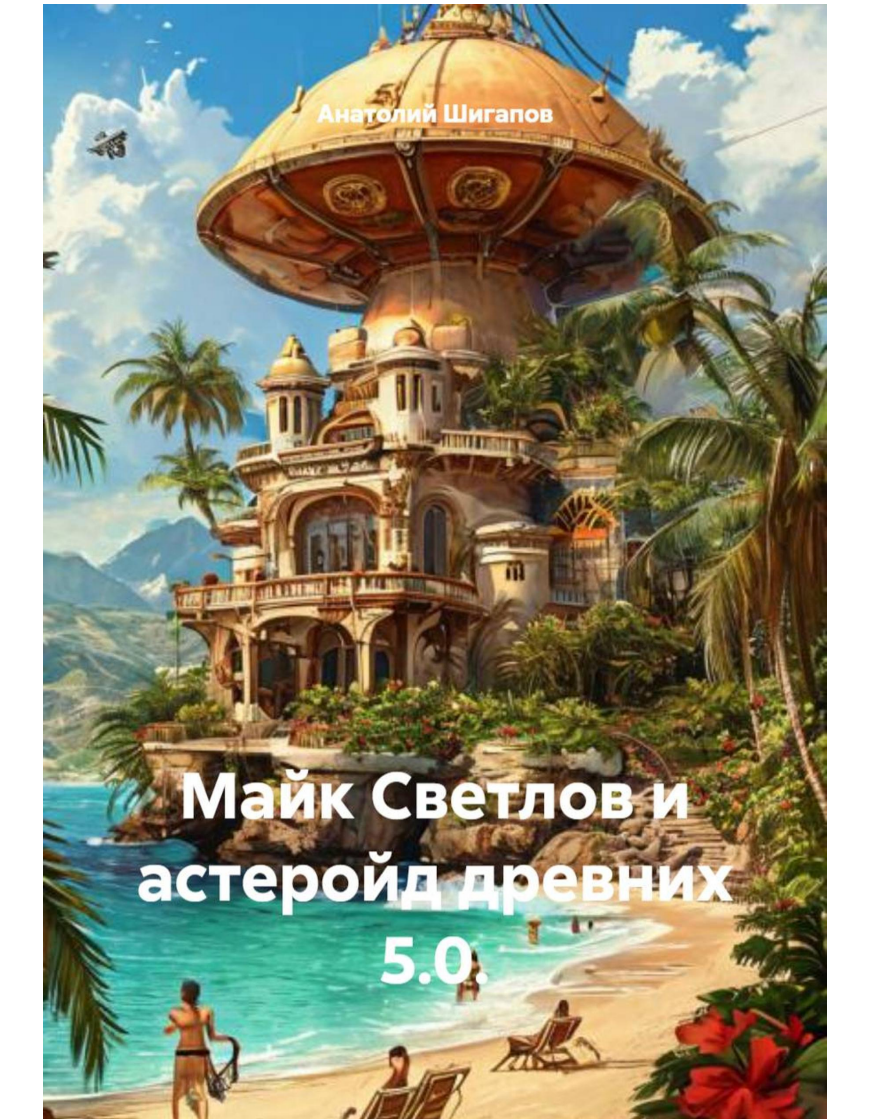

Анатолий Шигапов

Майк Светлов и астероид древних 5.0.

Анатолий Шигапов Майк Светлов и астероид древних 5.0.

Серия «Светлый Майк», книга 8

<https://litres.ru/73511162>

SelfPub; 2026

Аннотация

Если вы думаете, что после встречи с Императором, перевоспитания пиратов и свадьбы Арахнида с Сенокосицей Светловы наконец-то заслужили отпуск — вы плохо знаете Светловых.

Всё началось с того, что мы решили отдохнуть на курортной планете. Две недели рая, никаких приключений, только пляж, пирожки и кофеварка в режиме «ленивой безмятежности». Но кофеварка, как выяснилось, понятие «отдых» трактует своеобразно. Она привела нас к астероиду, который оказался древней станцией. А дальше — тест, пробуждение, и надпись, от которой у нас волосы встали дыбом: «Ждите — мы идём к вам».

Теперь к Земле летит флот Арахнидов — расы, которая миллионы лет только и делала, что воевала. Сто тысяч кораблей, миллионы воинов, и одна цель — уничтожить тех, кто «опозорил» их братьев, выбравших мир.

У нас есть пирожки, кофеварка и бабушкин половник. У них — армия, способная стереть галактику в порошок.

Но, как оказалось, даже у самых свирепых воинов есть одно уязвимое место. И это место — не в броне.

Анатолий Шигапов

Майк Светлов и

астероид древних 5.0.

Книга пятая: Светловы и Астероид Древних

или

**КАК МЫ РАЗБУДИЛИ ТО, ЧТО НЕ СЛЕДОВАЛО
(И ТЕПЕРЬ ОНИ ИДУТ К НАМ ЗА ПИРОЖКАМИ)**

Посвящается

Всем, кто твёрдо знает: даже если завтра наступит гарантированный и подписанный тремя сторонами апокалипсис, сегодня вечером нужно ставить опару. Потому что пирожки решают всё. Буквально всё. Даже если к тебе в гости напрашивается цивилизация, которая была древней, когда у нашей Вселенной ещё даже молочные зубы не прорезались.

Моей бабушке. Той самой, которая, как и легендарная Зинаида Игнатьевна, держала в кухонном шкафчике стратегический ядерный запас пирожков. Ба, спасибо тебе за науку: ты научила меня главному закону мироздания. Закон звучит так: «Жрать подано – отодвинь свои проблемы на потом». Благодаря тебе я знаю, что любой, даже самый кровожадный древний бог, потеряет бдительность, если сунуть ему под нос горячий пирожок с капустой.

Моему деду. Вечному изобретателю-самоучке, который на днях умудрился подключить старую кофеварку «Березка» 1985 года выпуска к системе глобального оповещения о Конце Света. Теперь мы узнаём о вторжении агрессивных форм жизни не по вою сирен, а по аромату свежесваренного кофе. И знаешь, дед, это гораздо гуманнее. Если уж помирать, так с запахом индийского кофе и бутербродом. Твой гений не знает границ, равно как и наша галактика, которую мы периодически спасаем.

Моим родителям. Дорогие мои, спасибо, что не вызвали бригаду в белых халатах, когда я в тридцать пять лет приперся домой не с очередной «серьезной девушкой», а с толпой инопланетных беженцев, только что проснувшихся после миллиардолетней спячки. Ваше спокойное: «Кушать будете? А ваши зелёные друзья?» – оказалось круче любой дипломатии. Вы, как всегда, оказались мудрее всех нас, даже Ксирга, который считает, что видел всё.

Моей Сестре. Да, именно с большой буквы «С». Потому что ты старше, потому что ты очень серьёзна, физик ядерщик как ни как (в смысле, меня пугаешь, когда злишься), и потому что я тебя очень... ну очень люблю. Спасибо, что прикрывала меня перед предками, когда мои подвиги выходили за рамки не только Законодательства (я чту уголовный кодекс), но и законов физики.

Детям, тем, кто придет после нас. Вы – наша личная, самая уютная и тёплая вселенная. Та, за которую хочется рвать

зубы любому агрессору. Ради вас я готов не просто встретиться с древней цивилизацией лицом к лицу, но и научить их печь эти самые пирожки. И накормить их до икоты.

Моим друзьям. Старым, новым, реальным и тем, кого я выдумал в детстве и забыл «отменить». Тем, кто идет со мной по жизни, даже когда жизнь внезапно сворачивает с асфальтированной дорожки в глубокий кювет и несется напрямиком в пасть астероида, неся с собой древних богов. С вами и там весело.

Громову. Который теперь официально внесен в Книгу рекордов Галактики как «Самый старый действующий шкаф». Пardon, спецгент. Гром, ты всё ещё можешь переставить мебель так, что враги не просто запутаются, а уйдут в астрал и забудут, зачем приходили.

Полозову. Человек-мемуар. Ты строчишь быстрее, чем я успеваю вляпаться в приключения. Шестой том уже в типографии, седьмой – на финальной редакции, а мы ещё даже завтракать не садились. Книга «Как я спас мир, пока пил чай» станет бестселлером, обещаю.

Ксиргу и Ларе. Дорогие наши приемные родственники! Поздравляю, теперь вы официально часть семьи Светловых. Это значит, что отныне вы тоже будете впутаны во всё: от бабушкиных пирожков до дедовых экспериментов с кофеваркой и спасения вселенной. Не обижайтесь. Плюньте на законы своей древней расы – у нас законы проще: «Не ссы» и «Дай попить».

И последним – и самым важным.

Всем вам, дорогие читатели. Тем, кто дочитал первые четыре книги и терроризировал меня вопросами: «Где продолжение? Когда? Ну когда уже?!».

Оно перед вами. Держитесь крепко за стулья, за пирожки и за друг друга. Будет очень весело. И очень страшно. И снова весело. Потому что Светловы без этого просто не умеют. Это у нас, знаете ли, семейное.

От автора

(Который снова не может удержаться от длинных предисловий)

Дорогой читатель!

Если ты открыл эту книгу, значит, либо ты уже подсел на приключения семьи Светловых как на хороший имперский чай (первая заварка – бодрит, вторая – расслабляет, третья – открывает портал в параллельное измерение), либо тебя заставили читать вслух в наказание за что-то ужасное (например, за то, что ты случайно продал семейный звездолёт инопланетным перекупам), либо ты просто мазохист и любишь, когда твои нервные клетки гибнут миллионами, не успев даже попрощаться друг с другом.

В любом случае – я рад тебя видеть. Честно. Даже если ты открыл эту книгу в туалете (не будем врать, половина читателей именно там и знакомится с литературой) или на скуч-

ной лекции по ксенобиологии, где преподаватель бубнит так, что хочется закричать и убежать в открытый космос без скафандра.

Садись поудобнее. Наливай чай покрепче. Бабушка Зина настоятельно рекомендует с мятой и небольшим количеством урана-238 для бодрости. Шучу, конечно. Или нет? Кто знает, что она там хранит в верхнем шкафчике на кухне? Я однажды заглянул – и до сих пор боюсь открывать тот ящик. Там есть банка с надписью «Для особых гостей», и я подозреваю, что гости после такого чая становятся особо тихими и особо послушными. И особо зелёными.

Приготовься к самому безумному путешествию в твоей жизни. Если ты думаешь, что видел уже всё – ты не видел, как моя бабушка одним половником разгоняет толпу агрессивно настроенных андроидов. Это зрелище, которое стоит того, чтобы родиться, вырасти, закончить школу с тройками и отправиться в космос именно за этим моментом.

После событий четвёртой книги (напомню для тех, у кого память как у золотой рыбки: пульсар, диктатор Грог, выборы, передача власти Ксиргу, бабушкины пирожки как орудие массового поражения, дедова кофеварка, спасающая галактику) мы твёрдо решили: всё. Хватит. Точка. Баста. Никаких больше приключений.

Мы это решение приняли коллективно. На семейном совете. С протоколом, подписями и печатями. Громов даже составил торжественную клятву: «Клянёмся не влезать в

неприятности, не открывать древних порталов, не будить спящих цивилизаций и не пытаться варить кофе на остатках антиматерии». Мы все подписались. Даже Жужа поставила лапу, хотя читать не умеет и, подозреваю, просто хотела пирожок.

План был идеален. Только отдых. Только расслабление. Только мы и вселенная, которая на этот раз просто обязана оставить нас в покое. Мы это заслужили. Мы спасли галактику. Мы имеем право на отпуск. Мы – герои, чёрт возьми!

Мы купили путёвки на курортную планету «Эдем-5». Реклама обещала рай наяву: белые пляжи с песком, который никогда не липнет к телу, голубое небо без единого облачка (облака, если появлялись, тут же штрафовались и разгонялись специальными пушками), два спокойных солнца – не пульсары, не сверхновые, не красные гиганты, которые вот-вот чихнут и разлетятся на куски, а нормальные, приличные, положительные звёзды с хорошей репутацией и без вредных привычек. Пальмы там росли с золотыми листьями, кокосы падали прямо в руки (и предварительно сами очищались), а океан был такой прозрачный, что видно дно на глубине ста метров.

– Вот теперь точно отдохнём, – сказал дед Игнат, упаковывая кофеварку в специальный чемодан с мягкими стенками, подогревом и системой жизнеобеспечения. Чемодан весил килограммов двадцать и гудел, как улей.

– Игнат, – строго сказала бабушка Зина, подбоченясь и

вооружившись половником (на всякий случай). – Ты опять её берёшь? Мы же договаривались: никаких артефактов в отпуске!

– Зина, она же как ребёнок, – дед прижал чемодан к груди с таким выражением лица, будто его заставляют отказаться от новорождённого внука. – Не могу же я её одну оставить. Она без меня заскучает. Начнёт искрить, порталы открывать, древних пробуждать. Ты этого хочешь?

– Я хочу, чтобы мы хоть раз отдохнули без катастроф галактического масштаба! – бабушка стукнула половником по столу для убедительности. Стол жалобно скрипнул и, кажется, попросил пощады.

– Не заискрит, – пообещал дед, поглаживая чемодан. – Я её новым режимом оснастил. Специально для отпуска. Называется «режим ленивой безмятежности». Теперь она только кофе варит. И то – если очень попросить и пообещать не беспокоить по пустякам.

– И пирожки греет? – уточнил Павлик, который в этот момент дожевывал уже четвёртый пирожок с капустой и явно планировал пятый.

– И пирожки греет, – кивнул дед. – Но только в крайнем случае. Если пирожок обиженно молчит и требует термической обработки.

– А если она откроет портал в другую галактику? – не унималась бабушка.

– Зина, ну какой портал на отдыхе? – дед закатил глаза. –

У неё теперь защита от глупостей. Три уровня пароля, биометрическая идентификация и сканер намерений. Если она почувствует, что кто-то хочет приключений – просто отключится и прикинется обычной кофеваркой.

– Кофеваркой, которая говорит на двадцати языках и умеет переводить древние письмена? – уточнил я.

– Ну... обычной для нашей семьи, – поправился дед.

Спор закончился, как всегда, компромиссом: кофеварку взяли, но бабушка спрятала половник в ручную кладь – на всякий случай. А Громов, который всё это время молча сидел в углу и чистил бластер, многозначительно хмыкнул и сказал:

– Половник – это хорошо. Но я свой бластер тоже положу поближе. Знаете, на всякий пожарный. Вдруг на этом Эдеме комары кусаются?

– Там нет комаров, – обиженно сказал Павлик. – Там рай. В раю комаров не бывает.

– В раю, сынок, не бывает только одного – покоя, – философски заметил Громов. – Особенно когда рядом Светловы.

Мы погрузились в звездолёт. Тот самый, президентский, подаренный Ксиргом после событий четвёртой книги. Красавец, а не звездолёт: белый, сверкающий, с мягкими креслами, джакузи на борту и мини-баром, который наполнялся сам собой, стоило только подумать о напитке. Правда, иногда он ошибался и вместо лимонада наливал ракетное топливо, но мы привыкли.

– Красота, – сказала Аня, усаживаясь в кресло и пристёгивая Жужу специальным ремешком. Жужа была недовольна – она хотела сидеть у иллюминатора и лаять на пролетающие мимо астероиды.

– Две недели блаженства, – мечтательно протянул Павлик, зарываясь в пакет с пирожками. – Никаких диктаторов, никаких древних, никаких...

– Не каркай, – перебил я его. – Ты что, не знаешь закон жанра? Как только герой говорит «никаких приключений», вселенная тут же подсовывает ему приключение размером с галактику.

– Диман прав, – поддержал меня Громов, закуривая папиросу прямо в кресле, несмотря на табличку «Не курить – система вентиляции обижается». – Я за двадцать лет службы усвоил: хочешь неприятностей – скажи «всё тихо». Срабатывает со стопроцентной гарантией.

– Да ладно вам, – отмахнулся дед, усаживаясь за штурвал. – Мы летим строго по курсу, никуда не сворачиваем, никаких отклонений. Через три часа будем на месте.

Мы взлетели. Звездолёт мягко оторвался от земли, нырнул в облака и вышел в открытый космос. Сзади осталась Земля – голубая, красивая, родная. Впереди сияли звёзды.

Первые два часа полёта прошли спокойно. Мы играли в карты (Павлик жульничал, но очень плохо, поэтому его ловили каждый раз), слушали музыку (бабушка включила свои любимые романсы, и Громов чуть не заплакал, вспоминая

молодость), ели пирожки (бабушка пекла их прямо на борту, используя кофеварку как мини-печку).

– Идеально, – сказала Аня, подставляя лицо потоку воздуха из вентиляции. – Просто идеально.

– Ага, – кивнул Павлик с набитым ртом. – Щастливо.

И тут...

Вы же знаете Светловых? Если мы хотим покоя – вселенная начинает чесаться в самых неожиданных местах. Чешется, почёсывается, а потом как чихнёт – и летят во все стороны астероиды, кометы и древние цивилизации.

В этот раз она чесанулась... астероидом.

Огромным. Искусственным. Древним.

Он вынырнул из ниоткуда – прямо по курсу, перекрывая путь к Эдему-5. Чёрный, угловатый, покрытый символами, которые светились в темноте холодным голубым светом.

– Дед, – позвал я, глядя на приближающуюся громадину. – Это что?

– Астероид, – дед нахмурился. – Но странный какой-то. Не помню его по картам.

– Он искусственный, – тихо сказала бабушка, подходя к иллюминатору с половником в руке. Старая привычка брать оружие в любой непонятной ситуации. – Смотрите, символы. Те же, что на кофеварке.

– Какие символы? – не понял Павлик.

– Древние, – ответил дед, и голос у него дрогнул. – Очень древние.

Кофеварка на поясе у деда засветилась. Сначала слабо, потом ярче, потом – ослепительно. Из неё вырвался луч, ударил в астероид, и на его поверхности открылся люк. Огромный, чёрный, манящий.

– Она его открыла, – выдохнула Аня.

– Она не могла, – дед побледнел. – Я же её отключил от всех внешних сигналов!

– Игнат, – бабушка положила руку ему на плечо. – Твоя кофеварка никогда не слушалась отключений. Она живёт своей жизнью.

– Что будем делать? – спросил Громов, уже держа бластер наготове.

– А выбор есть? – вздохнул я.

Выбора не было. Люк манил, символы светились, а кофеварка гудела так, будто звала нас внутрь. Мы пристыковались к астероиду и вошли.

И теперь, дорогой читатель, нам снова предстоит влипнуть в историю. На этот раз – в историю, которая началась миллиарды лет назад и которая, кажется, ждала именно нас. Именно Светловых. Именно с пирожками и кофеваркой.

Почему? Потому что вселенная любит иронию. И потому что кто-то же должен разбираться с древними тайнами, пока нормальные люди отдыхают на курортах.

Если ты готов к тому, что древние цивилизации просыпаются от запаха бабушкиных пирожков (а они просыпаются, проверено), что кофеварка может переводить языки, кото-

рых никто не слышал миллиард лет (и переводит с лёгким акцентом), и что бабушкин половник снова станет главным аргументом в переговорах с инопланетными существами (потому что половник – это сила) – добро пожаловать на борт.

Места хватит всем. В звездолёте просторно, пирожков бабушка напекла на три галактики вперёд, а дедова кофеварка уже строит планы по установлению дипломатических отношений с теми, кто живёт в астероиде.

P.S. Бабушка предупреждает: если после прочтения вы решите разбудить какую-нибудь древнюю цивилизацию (ну мало ли, вдруг вам станет скучно в воскресенье вечером) – она не несёт ответственности за последствия. Но пирожками поделится. Если успеет. И если пирожки не закончатся раньше, чем древние начнут требовать жертвоприношений.

P.P.S. Дед требует упомянуть, что его кофеварка теперь официально зарегистрирована в галактическом реестре как «артефакт, способный контактировать с внеземными цивилизациями и варить кофе в любых условиях, включая вакуум». Патент ещё не получили, но уже подали заявку. В трёх галактиках. Бюрократия, знаете ли, даже в космосе бюрократия.

P.P.P.S. Громов на всякий случай уже начал переставлять мебель в форте, куда мы планировали вернуться после отпуска. Говорит, чтобы древние запутались, если решат напасть первыми. Диван теперь стоит поперёк входа, шкаф за-

гораживает окно, а телевизор смотрит прямо на дверь с явным намерением транслировать пропаганду в случае вторжения.

Р.Р.Р.Р.С. Полозов, наш бессменный летописец, открыл седьмой том мемуаров. Название: «Как мы разбудили древних, накормили их пирожками и что из этого вышло (предварительные заметки)». Спойлер: мы ещё не знаем, что вышло, но предварительные заметки уже занимают двести страниц.

Р.Р.Р.Р.С. Аня просила передать, что Жужа очень хочет домой, потому что на астероидах нет деревьев, чтобы оставлять метки. Жужа согласно твякнула и попыталась укунить ближайший древний символ. Символ обиделся и перестал светиться.

Р.Р.Р.Р.Р.С. Павлик интересуется, будут ли на астероиде десерты. И если да, то какие. И можно ли взять с собой. И сколько. И почему на него все так смотрят.

Р.Р.Р.Р.Р.С. А я просто хочу сказать спасибо. Честно. За то, что вы с нами. За то, что дочитали до этого места (даже если просто листали в поисках картинок). За то, что верите в космические приключения семьи, которая не умеет отдыхать. За то, что смеётесь над шутками, которые я пишу в час ночи, когда уже должен спать. И за то, что пирожки. Пирожки – это главное. Без пирожков никакое приключение не имеет смысла.

Р.Р.Р.Р.Р.Р.С. Это уже перебор, да? Ладно, закрываю список. Читайте дальше. Там будет весело. Обещаю. Если

не весело – верните книгу и потребуйте пирожки. Бабушка печёт новые.

Анатолий Шигапов

(он же Светлый Майк, он же просто счастливый человек, который снова влип)

Где-то в космосе, на борту президентского звездолёта «Светлая Мечта», за час до того, как всё пошло по одному месту

Глава 1. Отпуск, который пошёл не по плану

(Как, впрочем, и всегда)

«Отпуск – это когда ты ничего не делаешь и тебе за это не платят. А если ты Светлов – то ещё и впутываешься в спасение очередной цивилизации, даже не сходя с пляжа. Причём совершенно бесплатно». – Михаил Светлов, за пять минут до того, как всё пошло по одному месту

Эдем-5 оказался именно таким, как его описывали в рекламных буклетах. Белый песок, бирюзовая вода, два солнца (но не пульсары, а нормальные, спокойные звёзды), пальмы с золотыми листьями и полное отсутствие каких-либо проблем.

Когда наш звездолёт заходил на посадку, Павлик прилип к иллюминатору и не мог оторваться.

– Пап, смотри! – кричал он. – Там вода голубая! Прямо как на картинках!

– На картинках всегда голубая, сынок, – ответил я. – В

жизни бывает по-разному.

– А здесь?

– Здесь, судя по всему, именно такая.

Мы приземлились. Воздух был сладким, тёплым и пах чем-то незнакомым, но приятным – то ли цветами, то ли фруктами, то ли просто счастьем.

– Нравится? – спросила Аня, беря меня за руку.

– Очень, – честно ответил я. – Подозрительно нравится.

– Почему подозрительно?

– Потому что когда всё слишком хорошо – обычно скоро случается что-то плохое.

– Ты у нас пессимист.

– Я реалист. Светловы не могут просто так отдыхать. Это противоречит законам вселенной.

– А может, на этот раз обойдётся?

– Посмотрим.

Отель назывался «Золотая Пальма» и располагался прямо на берегу океана. Наш номер занимал целый этаж – пять комнат, две террасы, собственный бассейн и, что самое главное, кухня, которую бабушка оккупировала в первые пять минут.

– Зина, – сказал дед, заглядывая на кухню, – мы в отпуске. Можно не готовить.

– Игнат, – ответила она, ловко раскатывая тесто (откуда у неё взялась скалка – загадка, достойная отдельной книги), – а ты хочешь есть синтетическую еду, которой тут кормят?

– Ну... она вроде съедобная.

– Съедобная – не значит вкусная. Пирожки – это святое. Даже в отпуске. Особенно в отпуске.

– А если местные обидятся, что мы их еду не едим?

– Местные будут рады, когда попробуют пирожки. Я их научу. Бесплатно. Для дружбы народов.

Дед вздохнул и вышел на террасу, где уже разложил кофеварку. Он настраивал её на «пляжный режим» – специальную программу, которая, по его словам, позволяла кофеварке «отдыхать вместе с хозяином».

– И как, работает? – спросил я, подходя.

– Вроде да, – ответил дед, крутя какие-то ручки. – Не гудит, не искрит, не открывает порталы. Просто молчит. Как рыба об лёд.

– Может, она сломалась?

– Не может. Она никогда не ломается. Я её сорок лет собирал. Из лучших материалов.

– А если она просто устала?

– Кофеварки не устают. Они железные.

– А ты говорил, у неё душа есть.

– Душа есть, а усталости нет. Это разные вещи.

Громов тем временем обошёл весь отель, изучил местную систему безопасности, проверил все выходы и вернулся довольный.

– Камер мало, – доложил он. – Охрана расслабленная, почти спят на постах. Местные жители мирные. Если что, мо-

жем уйти незамеченными.

– А зачем нам уходить? – удивилась Аня. – Мы же отдыхать приехали.

– На всякий случай, – философски заметил Громов. – Я всегда готов. Ко всему.

– Даже к концу света?

– Особенно к концу света. У меня для него отдельный план есть.

– И какой?

– Сначала пирожки, потом оборона.

Полозов сидел в шезлонге с ноутбуком и продолжал писать мемуары. Уже шестой том.

– Полозов, – спросил я, – ты когда-нибудь остановишься?

– Никогда, – честно ответил он, не отрываясь от клавиатуры. – Чем больше пишу, тем больше вспоминаю. А чем больше вспоминаю, тем больше хочется написать.

– И о чём сейчас?

– О пиратах. О Бормане. О том, как мы с ним вареньем торговались. О том, как он нам корабль дал, который чуть не взорвался.

– Это было в прошлой книге.

– Значит, будет в мемуарах. Детали важны. Читатели хотят знать, сколько банок варенья мы потратили.

– И сколько?

– Семнадцать. Я посчитал.

– Ты считал банки во время переговоров с пиратами?

– А кто-то должен вести учёт стратегических запасов.

Павлик носился по пляжу с местными детьми. Они были синие, с хвостами, как на Мафусаиле, но поменьше и с более яркой кожей, переливающейся на солнце.

– Пап! – крикнул он, подбегая. – А они говорят, что у них тут тоже пульсар был! Только давно!

– А что с ним случилось? – крикнул я в ответ.

– Потух! Представляешь? Звезда потухла!

– Звёзды не тухнут, – сказал я Ане. – Они взрываются или превращаются в белых карликов. Или в чёрные дыры.

– Может, у них терминология другая?

– Может. Или они просто не знают.

– А ты знаешь?

– Я знаю, что ничего не знаю. Но про звёзды – знаю.

Первый день прошёл идеально. Мы купались, загорали, ели пирожки (бабушка напекла целую гору), пили местные коктейли. Бабушка, попробовав местный напиток, сказала, что он «слабоват», и добавила в свой немного самогона для крепости. Местные официанты смотрели на это с ужасом, но попробовать отказались.

Дед даже не смотрел на кофеварку – просто лежал в шезлонге и млел, прикрыв глаза панамой.

– Знаешь, – сказал он мне, – а ведь хорошо, что мы сюда прилетели. Никаких тебе диктаторов, никаких выборов, никаких пульсаров.

– Расслабляешься? – спросил я.

– Расслабляюсь, – кивнул он. – Впервые за долгое время.

– А кофеварка?

– Молчит. Даже не гудит. Видимо, тоже отдыхает.

Я посмотрел на кофеварку. Она стояла на столике и действительно не подавала признаков жизни. Ни гула, ни искр, ни свечения. Абсолютная тишина.

– Странно, – сказал я. – Обычно она хоть что-то делает. Даже в выключенном состоянии.

– А я её отключил, – гордо сказал дед. – Полностью. Кнопка есть специальная – «тотальный отдых».

– И она работает?

– Работает. Я же говорил – я гений.

– А если что-то случится?

– Ничего не случится. Мы в отпуске. Всё под контролем.

Вечером мы сидели в ресторане отеля. Местная кухня оказалась вполне съедобной, хотя бабушка всё равно ворчала, что «у них специи не те».

– Зина, – сказал дед, – ну перестань. Вкусно же.

– Вкусно, но не то, – упрямо твердила она. – Вот у меня дома...

– Мы знаем, – хором сказали мы.

И вдруг дедова кофеварка, оставленная в номере, издала звук. Не громкий, но достаточно отчётливый, чтобы мы все замерли.

– Что это? – спросила Аня.

– Кофеварка, – ответил дед, побледнев.

– Она же отдыхает.

– Видимо, передумала.

Звук повторился. Теперь громче. И добавилось свечение – мы видели его даже через окна ресторана.

– Надо идти, – сказал Громов, вставая.

– Надо, – согласился дед.

Мы бросились в номер. Кофеварка стояла на столе и светила ярко-красным. Из неё вылетали искры, и она издавала звуки, похожие на сигнал тревоги.

– Что с ней? – испугался Павлик.

– Не знаю, – ответил дед, подбегая. – Такого ещё не было.

Он начал нажимать кнопки, крутить ручки, но кофеварка не реагировала. Она продолжала светиться и гудеть, и вдруг на её дисплее появилась карта. Звездная карта, на которой одна точка пульсировала ярче других.

– Она показывает направление, – сказал дед. – Туда.

– Куда?

– К астероиду. Вон тому. – Он показал в небо.

Мы вышли на террасу. На горизонте действительно висел астероид. Огромный, идеально круглый, с красноватым свечением по краям.

– Я сегодня слышал по новостям, – сказал Громов. – Учёные со всей галактики съехались. Говорят, астероид искусственного происхождения. Древний. Миллиарды лет.

– Искусственный? – переспросил дед.

– Да. И очень старый.

Кофеварка загудела громче.

– Она хочет туда, – сказал дед. – Точно хочет.

– А может, не надо? – робко предложила Аня. – Мы же в отпуске.

Кофеварка загудела так, что у нас заложило уши.

– Кажется, она не согласна, – заметил Павлик.

– Дед, – спросил я, – а что будет, если мы не полетим?

– Не знаю, – честно ответил он. – Может, взорвётся.

– Кофеварка?

– Кофеварка. Или мы. Или всё вместе.

– А если полетим?

– Тогда узнаем, что ей нужно.

Мы переглянулись.

– Бабушка? – спросил я.

– А что я? – вздохнула она. – Опять приключения. Только собрались отдохнуть.

– А пирожки?

– Пирожки с собой возьмём. Куда ж без них. У меня ещё три рюкзака не распакованы.

– Тогда собираемся, – скомандовал Громов. – Вылет через час.

Через час мы были в звездолёте. Кофеварка, подключённая к навигационной системе, уверенно вела нас к астероиду. Красное свечение становилось всё ярче, а сам астероид – всё больше.

– Красивый, – сказала Аня, глядя в иллюминатор.

– Красивый, – согласился я. – И очень подозрительный.

– Почему?

– Потому что искусственные астероиды просто так не летают. Они обычно что-то скрывают.

– А что они могут скрывать?

– Древние цивилизации. Забытые технологии. Сокровища. Или опасность.

– А что именно?

– Узнаем, когда прилетим. Если успеем.

Астероид приближался. Он был огромным – километров сто в диаметре, не меньше. Идеально круглой формы, с гладкой поверхностью, на которой не было ни одного кратера, ни одной вмятины.

– Так не бывает, – сказал Громов. – У астероидов всегда кратеры. От столкновений.

– Значит, это не астероид, – ответил дед. – Это корабль. Или станция. Или что-то ещё.

– Или гигантский космический шар для боулинга, – предположил Павлик.

– Тоже вариант, – серьёзно кивнул дед. – Всякое бывает.

Кофеварка загудела особенно громко, когда мы приблизились к поверхности. На её дисплее появилась проекция – какая-то точка, куда нам нужно было приземлиться.

– Туда, – сказал дед, указывая на точку. – Она хочет, чтобы мы сели там.

– А если там опасно?

– Тогда у неё есть режим «оборона». И у нас есть бабушка с половником.

– И пирожки с перцем, – добавила бабушка.

Мы приземлились. Поверхность астероида была гладкой, как стекло, и тёплой на ощупь – даже сквозь подошвы скафандров чувствовалось тепло. Ни пылинки, ни камешка – идеально чисто, будто только что вымыто.

– Где вход? – спросил Павлик.

И в этот момент прямо перед нами открылся люк. Бесшумно, плавно, будто ждал нас миллиарды лет.

– Она нас ждала, – прошептал Громов.

– Кто – она?

– Цивилизация, которая это построила.

– А она жива?

– Не знаю. Но люк открылся.

– Идём?

– А есть выбор?

Дед посмотрел на кофеварку. Та засветилась зелёным – одобрительно.

– Она говорит, что можно, – сказал дед.

– А если она ошибается?

– Она никогда не ошибается. Ну, почти никогда.

– А если именно сейчас?

– Тогда мы узнаем это последними.

Мы вошли.

Внутри было темно. Но только мы сделали несколько ша-

гов, как зажётся свет. Мягкий, голубоватый, идущий отовсюду – от стен, от пола, от потолка.

– Красиво, – сказала Аня.

– Страшно, – сказал я.

– И то и другое, – подытожила бабушка. – Прямо как в музее, только музей древний и, кажется, живой.

Мы шли по длинному коридору, стены которого были покрыты непонятными символами. Они то загорались, то гасли, будто читали наши мысли, будто общались между собой.

– Дед, – спросил Павлик, – а что это за буквы?

– Не буквы, внучек, – ответил дед. – Символы. Язык древних. Очень древних.

– А ты понимаешь?

– Нет.

– А кофеварка?

– Кофеварка, кажется, да. Смотри.

Действительно, кофеварка светилась в такт символам, будто переводила их для себя. Иногда она пищала, иногда гудела, иногда просто мигала.

– Она разговаривает с ними, – догадался я.

– Похоже на то, – кивнул дед.

Коридор привёл нас в огромный зал. Он был размером с футбольное поле, а может, и больше. В центре стоял... компьютер. Настоящий, огромный, с мониторами, кнопками и проводами. Только всё это было сделано из неизвестного материала, светилось изнутри и пульсировало в такт нашему

дыханию.

– Ничего себе, – присвистнул Громов. – Это ж сколько лет этой технике?

– Миллиарды, – ответил дед. – Если верить учёным. А я им верю.

– А она работает?

– Судя по всему, да.

И вдруг компьютер ожил. Мониторы засветились, динамики загудели, и механический голос произнёс что-то на абсолютно непонятном языке. Звуки были странными – гортанными, певучими, с непривычными интонациями.

– Чего он хочет? – спросила Аня.

– Понятия не имею, – ответил дед. – Но, кажется, он нас приветствует.

– Или предупреждает.

– Или и то, и другое.

Голос повторил сообщение. Никто не понимал ни слова. Даже Павлик, который обычно понимал всё, развёл руками.

– Дед, – сказал я, – а твоя кофеварка может перевести?

– Попробую.

Дед поднёс кофеварку к компьютеру. Она засветилась ярче, загудела, и вдруг на стене появилась проекция. Изображение было трёхмерным, чётким, почти реальным – будто голограмма из самых лучших фантастических фильмов.

– Умница, – похвалил дед. – Режим «перевод» включила. Я и не знал, что он есть.

– А ты вообще все режимы знаешь?

– Нет. Но она сама выбирает, что включить.

На проекции появились символы, потом они начали меняться, и через минуту мы увидели надпись на русском:

«ПРИВЕТСТВУЕМ ВАС, ПРИШЕЛЬЦЫ. ВЫ ПЕРВЫЕ, КТО СМОГ АКТИВИРОВАТЬ ЭТУ СТАНЦИЮ ЗА ПОСЛЕДНИЙ МИЛЛИАРД ЛЕТ. ДЛЯ ТОГО ЧТОБЫ ПОЛУЧИТЬ ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ, ВЫ ДОЛЖНЫ ПРОЙТИ ТЕСТ. ТЕСТ ПОДТВЕРДИТ, ЧТО ВАША ЦИВИЛИЗАЦИЯ ДОСТАТОЧНО РАЗВИТА, ЧТОБЫ ПОНЯТЬ НАС.»

– Тест? – переспросил Павлик. – Как в школе?

– Похоже, – ответил я. – Только масштаб другой. И последствия, наверное, серьёзнее.

– А что будет, если не пройдем?

– Не знаю. Может, ничего. А может, нас отсюда не выпустят.

На проекции появилась первая загадка.

«ЗАДАЧА №1: МАТЕМАТИКА. РЕШИТЕ УРАВНЕНИЕ, КОТОРОЕ НЕ ИМЕЕТ РЕШЕНИЯ В ВАШЕМ МИРЕ, НО ИМЕЕТ ЕГО В НАШЕМ.»

– Что? – опешил Полозов. – Уравнение, которое не имеет решения? Это как?

– В нашей математике – никак, – сказал дед. – В их – видимо, есть.

– И как мы его решим?

– Кофеваркой.

На экране появилось уравнение. Оно было огромным, сложным, с десятками неизвестных и непонятных символов, которые пульсировали и переливались.

– Я в этом ничего не понимаю, – честно признался я.

– И я, – сказала Аня.

– И я, – добавил Павлик.

– А кто понимает? – спросила бабушка.

Все посмотрели на деда. Дед посмотрел на кофеварку.

– Ну что, – сказал он. – Попробуем?

Кофеварка загудела, засветилась и начала выдавать решение. Символ за символом, цифра за цифрой, формула за формулой. Это было похоже на то, как если бы калькулятор вдруг начал думать сам.

Через пять минут на экране появился ответ.

Компьютер мигнул, помолчал, обрабатывая данные, а потом выдал:

«ВЕРНО. ПРОДОЛЖАЙТЕ.»

– Ура! – закричал Павлик. – Мы прошли!

– Это кофеварка прошла, – поправил дед. – А мы просто стояли рядом.

– Значит, у нас высокотехнологичная кофеварка, – подытожила бабушка. – Тоже неплохо. Главное, чтобы она дальше помогала.

– А если она устанет?

– Кофеварки не устают, – ответил дед. – Они железные.

– А ты говорил, у неё душа есть.

– Душа есть, а усталости нет. Я же объяснял.

– Ладно, – сказал Громов. – Что дальше?

На проекции появилась вторая загадка.

«ЗАДАЧА №2: ФИЗИКА. ОБЪЯСНИТЕ, КАК ПРЕОДОЛЕТЬ СКОРОСТЬ СВЕТА, НЕ НАРУШАЯ ЗАКОНОВ ТЕРМОДИНАМИКИ.»

– Это невозможно, – сказал Громов. – Скорость света не преодолеть. Эйнштейн говорил.

– Для нас – возможно, – ответил дед. – Иначе бы не спрашивали.

– А может, они ошиблись?

– Древние цивилизации за миллиард лет не ошибаются. Они просто знают больше.

Кофеварка снова загудела, засветилась и выдала решение. На этот раз оно было ещё сложнее – с формулами, графиками и схемами, которые казались полным бредом.

Компьютер проверил и выдал:

«ВЕРНО. ВЫШЕ ОЖИДАЕМОГО.»

– Выше ожидаемого? – удивилась Аня. – Это хорошо?

– Или плохо, – задумался я. – Смотря что они считают ожидаемым. И что они сделают с теми, кто выше.

– Может, наградят?

– Может, уничтожат, чтобы не мешали.

– Оптимист ты у меня.

– Реалист.

Третья загадка была по химии.

«ЗАДАЧА №3: ХИМИЯ. СОЗДАЙТЕ СОЕДИНЕНИЕ, КОТОРОЕ МОЖЕТ СУЩЕСТВОВАТЬ ТОЛЬКО ПРИ ТЕМПЕРАТУРЕ АБСОЛЮТНОГО НУЛЯ.»

– При абсолютном нуле всё замерзает, – сказал Полозов.
– Даже атомы останавливаются. Какое там соединение?

– А кофеварка говорит, что можно, – ответил дед, глядя на показания прибора.

Кофеварка выдала формулу. Компьютер проверил и одобрил.

«ВЕРНО. ВЫ НАС УДИВЛЯЕТЕ.»

– Нас удивляете? – переспросил Павлик. – Это комплимент?

– Или предупреждение, – сказал Громов. – Чем больше мы удивляем, тем больше они хотят знать. И тем больше у них причин...

– Что?

– Не знаю. Но обычно, когда кто-то слишком умный, его или в академию берут, или уничтожают.

– А нас куда возьмут?

– Посмотрим.

Четвёртая загадка была по астрономии.

«ЗАДАЧА №4: АСТРОНОМИЯ. ОПРЕДЕЛИТЕ КООРДИНАТЫ ПЛАНЕТЫ, КОТОРАЯ СУЩЕСТВУЕТ ТОЛЬКО В ДРУГОМ ИЗМЕРЕНИИ.»

– Это вообще за гранью, – покачал головой я.

– Для нас – да, – сказал дед. – Для кофеварки – нет.

Кофеварка выдала координаты. Компьютер проверил и выдал:

«ВЕРНО. ВЫ ЗНАЕТЕ СЛИШКОМ МНОГО.»

– Это уже не комплимент, – насторожился Громов. – Это констатация. И, кажется, нам это не нравится.

– Кому – нам?

– Им. Древним.

Пятая загадка была по литературе.

«ЗАДАЧА №5: ЛИТЕРАТУРА. НАПИШИТЕ СТИХОТВОРЕНИЕ, КОТОРОЕ ОПИСЫВАЕТ НАШУ ЦИВИЛИЗАЦИЮ, НЕ ЗНАЯ О НАС НИЧЕГО.»

– Что? – опешил Полозов. – Как можно написать стихотворение о том, чего не знаешь?

– А вот кофеварка знает, – сказал дед. – Смотрите.

Кофеварка загудела, засветилась и... выдала стихотворение. На русском, с рифмой и размером.

«В глубинах космоса, вдали от света,

Живёт цивилизация, что спета,

Но оставила нам свой завет.

Их знания – в камнях и в звёздах,

Их тайны – в математике вещей.

Они ушли, оставив нам вопросы,

И ждут, когда ответит мир людей.

Они не злы и не добры, как время,

Они – как свет, что греет и слепит.

И если вы откроете им дверь,

То мир уже никто не защитит.»

– Красиво, – сказала Аня.

– Жутковато, – сказал я.

– Но правдиво, – сказал дед.

– Особенно последняя строчка, – добавил Громов. – «Мир уже никто не защитит». Это нам намёк?

– Или предупреждение.

Компьютер мигнул, помолчал дольше обычного, а потом выдал:

«ВЕРНО. ВЫ ПРЕВЗОШЛИ ВСЕ ОЖИДАНИЯ. ВЫ – ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНАЯ НАЦИЯ.»

На экране появилась новая надпись. Уже на русском, большими красными буквами, которые пульсировали, как сердцебиение:

«ПОЗДРАВЛЯЕМ – ВЫ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНАЯ НАЦИЯ. ВЫ ЗНАЕТЕ СЛИШКОМ МНОГО. ЖДИТЕ – МЫ ИДЁМ К ВАМ.»

– Что значит – идём? – спросил Громов, и голос его дрогнул.

– То и значит, – ответил дед. – Они идут.

– Кто – они?

– Те, кто построил это всё. Древняя цивилизация. Которая, оказывается, не вымерла. Которая, оказывается, просто ждала.

– Чего ждала?

– Нас. Или кого-то вроде нас. Кто пройдёт тест.

– А если бы мы не прошли?

– Тогда бы, наверное, ничего не случилось. А так...

– А так?

– А так теперь они знают, что мы есть. И они идут.

– И что теперь?

– Теперь – ждать. И готовиться.

Компьютер погас. Свет в зале стал тусклее, тревожнее. А кофеварка... кофеварка засветилась ярче прежнего и загудела на одной ноте – предупреждающе, тревожно, обречённо.

– Дед, – спросил Павлик, – а что мы наделали?

– Не знаю, внучек, – честно ответил дед. – Но, кажется, мы разбудили то, что не следовало.

– А пирожки помогут?

– Пирожки помогут всегда. Но тут, боюсь, даже пирожками не обойдёшься.

– А чем?

– Всем, что у нас есть. Умом, смекалкой, кофеваркой. И друг другом.

Мы вышли из астероида. Красное свечение на его поверхности усилилось, пульсировало в такт нашему сердцебиению. Казалось, он дышит.

– Надо лететь домой, – сказал Громов. – Предупредить всех.

– Кого?

– Всех. Галактику. Землю. Мафусаил. Пусть готовятся.

– А если они уже в пути?

– Тогда у нас мало времени. Очень мало.

Мы поднялись на борт звездолёта и взяли курс на Землю. Кофеварка молчала, но светилась ровным, тревожным светом, и никто не решался её выключить.

– Дед, – спросил я, – а что мы скажем дома?

– Правду, – ответил он. – Что мы случайно разбудили древнюю цивилизацию, которая теперь идёт к нам. Что они знают, что мы существуем. И что, кажется, они не очень довольны.

– А нам поверят?

– Как всегда – нет. Но это неважно. Главное, что мы будем готовы.

– А как готовиться к встрече с теми, кто старше Вселенной?

– Пирожки печь, – неожиданно сказала бабушка. – Много пирожков. Древние тоже есть хотят. А сытые древние – добрые древние.

– А если они не едят?

– Все едят, – отрезала бабушка. – Я таких не встречала. Даже роботы едят. Энергию.

– А если они злые?

– Тогда будем драться. У нас половники есть. И кофеварка. И ты, Михаил.

– И я, – добавил Павлик. – Я тоже буду драться.

– И пирожки с перцем, – добавила бабушка. – Я специально новую партию сделала. Очень острые.

– А если перцем не возьмёшь?

– Значит, будем думать дальше. Мы Светловы. Мы что-нибудь придумаем.

Мы летели домой. А за нами, в глубинах космоса, просыпалось что-то древнее, могущественное и, кажется, очень заинтересованное в нас. Что-то, что ждало миллиарды лет.

Что ж, Светловы снова в деле. И как всегда – с пирожками, кофеваркой и полным отсутствием плана.

Но, может быть, именно в этом наша сила?

– Знаешь, – сказал дед, глядя в иллюминатор на удаляющийся астероид, – я ведь никогда не думал, что в моём возрасте придётся встречать древнюю цивилизацию.

– А что ты думал?

– Думал, что буду кофеварку чинить, внуков нянчить, пирожки есть. А тут – на тебе.

– Жизнь, она такая.

– Да уж. Не соскучишься.

– А если они действительно придут?

– Значит, встретим. Как людей. С пирожками.

– А если они не люди?

– Какая разница? Главное, чтобы пирожки ели.

Мы засмеялись. Нервно, но всё же засмеялись. Потому что смех – это тоже оружие. Особенно когда не знаешь, чем всё кончится.

Впереди была Земля. Впереди была неизвестность. Впереди была встреча с теми, кто старше самой Вселенной.

Но мы были готовы. Потому что мы – Светловы.
А Светловы не сдаются.

Глава 2. Три месяца спокойствия
(Или как мы чуть не сошли с ума от тишины)

«Спокойная жизнь для Светловых – это как вегетарианство для тигра. Вроде возможно, но очень неестественно. И долго не протянешь». – Михаил Светлов, на семьдесят пятый день после возвращения с астероида

Прошло три месяца.

Три долгих, мучительно спокойных месяца после нашего возвращения с проклятого астероида. Мы ждали. Всю галактику ждали. Учёные строили теории, военные готовились к обороне, политики произносили пафосные речи о «великой угрозе и великом единстве».

И ничего не происходило.

– Знаешь, – сказал дед, сидя в своём любимом кресле и гипнотизируя кофеварку, – я начинаю думать, что нам всё показалось.

– Что именно? – спросил я.

– Ну, это всё. Астероид. Загадки. Надпись. «Мы идём к вам».

– Ты же сам там был. Мы все были.

– Был. Но уже три месяца прошло. Если бы они правда шли, уже бы дошли.

– А может, они далеко?

– Может. А может, просто решили не приходить.

– А зачем тогда предупреждали?

– Не знаю, внучек. Может, пошутили. Древние цивилизации любят шутить.

– Ты серьёзно?

– Нет. Но очень хочется верить.

Бабушка, как всегда, была на кухне. За три месяца она испекла столько пирожков, что мы могли бы кормить небольшую армию. Или даже целую древнюю цивилизацию.

– Зина, – сказал дед, заходя на кухню, – может, хватит уже?

– Чего хватит?

– Пирожков. Мы их не съедим.

– А вдруг гости придут? – философски ответила она. – Древние. Им же надо что-то предложить.

– А если они не едят пирожки?

– Все едят пирожки. Я таких не встречала.

Громов переставил мебель в форте всего три раза за три месяца. Это был рекорд. Бабушка даже начала волноваться.

– Громов, – спросила она, – ты здоров?

– Здоров, – ответил он. – А что?

– Мебель не переставляешь.

– А зачем? Всё уже идеально.

– Идеально? – бабушка оглядела комнату. – Диван у стены, стол у окна, шкаф в углу. Скучно.

– Скучно – значит безопасно. Когда скучно, никто не на-

падает.

– А если нападут?

– Тогда я быстро переставлю.

Полозов дописал седьмой том мемуаров и начал восьмой. Название: «Год в ожидании конца света, который так и не наступил».

– Полозов, – спросил я, – а о чём ты пишешь в восьмом томе?

– О том, как мы ждали, – ответил он. – О деталях. О том, как дед смотрел на кофеварку, как бабушка пекла пирожки, как Громов переставлял мебель.

– Это же скучно.

– Для истории нет скучных деталей. Через тысячу лет люди будут читать и думать: «Ага, вот как они жили в ожидании древних».

– А если древние не придут?

– Тогда это будет комедия. А если придут – трагедия. Я на оба варианта пишу.

Павлик ходил в школу и рассказывал одноклассникам про древнюю цивилизацию. Ему, конечно, не верили, но корону с Мафусаила показывал – и некоторые задумывались.

– Пап, – спросил он однажды, – а они правда придут?

– Не знаю, сынок, – честно ответил я. – Может, да. Может, нет.

– А если да?

– Тогда мы их встретим.

– С пирожками?

– Обязательно.

В один прекрасный день, когда мы уже почти забыли об астероиде и древних, в дверь форта постучали.

Не просто постучали – постучали официально. Три раза, с паузами, как положено в дипломатическом протоколе.

– Кто там? – насторожился Громов, мгновенно хватаясь за бластер.

– Откроем – узнаем, – сказал дед.

На пороге стоял... гуманоид. Высокий, стройный, в роскошной форме с золотыми эполетами и множеством наград на груди. За ним – двое охранников с невозмутимыми лицами.

– Семья Светловых? – спросил гуманоид официальным тоном.

– Допустим, – ответил Громов, не убирая бластер.

– Я представитель Его Императорского Величества, правителя Галактической Империи. У меня к вам поручение.

– Какое ещё поручение? – удивился дед.

– Приглашение. Его Императорское Величество желает видеть вас на приёме. Лично.

Мы переглянулись.

– Император? – переспросил я. – Тот самый, который правит всей галактикой?

– Тот самый, – кивнул посланник.

– А зачем мы ему?

– Не могу знать. Моё дело – доставить приглашение.

– А если мы откажемся?

– Тогда... – посланник замялся. – Тогда, наверное, ничего не будет. Но Его Величество будет очень огорчён.

– А он часто огорчается?

– Редко. Но когда огорчается – последствия бывают... значительными.

– Это угроза?

– Это констатация факта.

Дед посмотрел на бабушку. Бабушка посмотрела на деда.

Громов посмотрел на всех.

– Ладно, – сказал дед. – Когда лететь?

– Завтра. Утром. Императорский звездолёт будет ждать вас на космодроме.

– А свой нельзя?

– Можно и свой. Но императорский быстрее.

– Тогда свой, – решил дед. – Я своей кофеварке больше доверяю.

Посланник удивлённо посмотрел на кофеварку, но спорить не стал.

– Как угодно. Завтра в восемь утра. Не опаздывайте. Его Величество не любит ждать.

– А кто любит? – философски заметила бабушка. – Пирожков хотите?

Посланник опешил.

– Чего?

– Пирожков. Свежие, только из печи.

– Я... э... на службе...

– На службе тоже есть хочется. Берите, не стесняйтесь.

Посланник взял пирожок, откусил, зажмурился от удовольствия.

– Это... это невероятно, – сказал он.

– Вот видите, – улыбнулась бабушка. – Передайте императору: если будет хорошо себя вести, тоже получит.

Посланник ушёл, а мы остались.

– Ну что, – сказал Громов. – Снова в путь.

– Снова, – вздохнул дед.

– А может, не поедем? – робко предложила Аня.

– Нельзя, – ответил я. – Император – это серьёзно.

– А если это ловушка?

– Тогда будет весело.

Сборы, как всегда, были хаотичными. Бабушка упаковывала пирожки (десять рюкзаков), варенье (пять банок), солёные огурцы (три банки) и, конечно, половник.

– Бабушка, зачем тебе половник к императору? – спросил Павлик.

– А вдруг кормить будут? Надо же пробовать.

– А если отравят?

– Тогда половником и отобьюсь.

Дед упаковывал кофеварку, запасные детали, инструменты и, конечно, хвост (тот самый, отвалившийся, который он так и не выкинул).

– Дед, а хвост зачем? – удивился Павлик.

– А вдруг император захочет посмотреть? Мало ли. Вдруг у него тоже хвост был, но отвалился.

– У императора?

– А почему нет? Всякое бывает.

Громов упаковывал оружие. Много оружия.

– Громов, мы к императору едем, а не на войну.

– Я знаю. Но мало ли. Вдруг император окажется диктатором. Вдруг там засада. Вдруг древние как раз сегодня решили прийти.

– Оптимист.

– Реалист.

Полозов упаковывал блокноты. Все восемь томов мемуаров и девять чистых блокнотов.

– Полозов, зачем тебе столько?

– А вдруг император захочет узнать историю? Я ему расскажу. А вдруг новые приключения? Надо записывать.

Аня упаковывала косметичку, аптечку и книжку почитать.

– Аня, а книжка зачем? – спросил я. – Там читать некогда будет.

– А вдруг император будет опаздывать? Или мы будем ждать?

Павлик упаковывал корону, светящиеся игрушки и, конечно, пирожки.

– Павлик, у тебя своих пирожков мало?

- Это подарки. Для императора. Если он хороший.
- А если плохой?
- Тогда не дам.

Утром мы вылетели. Наш звездолёт «Светлая Мечта» (тот самый, подаренный Ксиргом) блеснул на солнце, готовый к новому путешествию.

– Курс на Имперский Центр, – объявил дед, вводя координаты. – Пять часов лёту.

– Всего пять? – удивился я.

– Звездолёт быстрый..

– А почему император нас пригласил?

– Не знаю. Может, про астероид узнал. Может, про древних. Может, просто пирожков захотел.

– А если это ловушка?

– Тогда будем выкручиваться. Мы профессионалы.

Мы взлетели. Первые два часа полёта прошли спокойно. Павлик смотрел в иллюминатор, считал звёзды. Бабушка разогревала пирожки. Дед настраивал кофеварку. Громов проверял оружие. Полозов писал девятый том.

– Красота, – сказал я Ане. – Спокойно, тихо, никаких приключений.

– Не каркай, – ответила она. – Ты же знаешь, что после таких слов...

И в этот момент звездолёт тряхнуло.

– Что это? – вскочил Громов.

– Не знаю, – ответил дед, глядя на приборы. – Двигатель... двигатель отказывает!

– Как отказывает? Мы только что взлетели!

– Не знаю! Но показания... мы падаем!

– Куда?

– К УУ Щита! Красный сверхгигант! Если упадём – сгорим за секунду!

– Дед, делай что-нибудь!

– Пытаюсь!

Звездолёт трясло так, что у меня, кажется, клацали зубы, даже когда я специально сжимал челюсть. Алярмы были на разные голоса, создавая жуткую какофонию, лампочки мигали, как бешеные, а стрелки приборов плясали канкан.

– Дед, это конец? – заорал Павлик, вцепившись в кресло так, что побелели костяшки пальцев. Глаза у него были круглые, как два иллюминатора.

– Двигатель отказал полностью, к бабке не ходи! – рявкнул дед. Он вцепился в пульт, пытаясь что-то нажать, но тряска отбрасывала его руки. – Мы не падаем, мы... мы в гравитационный колодец нырнули! К звезде!

– К какой звезде? Там же темно было! – крикнула Аня, прижимая к себе Жужу, которая от страха тихонько скулила и пыталась зарыться носом ей под мышку.

– К УУ Щита, доченька! – Дед ткнул пальцем в карту на экране, где одна точка горела алым. – Красный сверхгигант! Он, паразит, в телескоп не виден был, пылью закрыт! Если

войдём в атмосферу – сгорим к чертям собачьим, как спички!

– А если не войдём? – спросил я, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота от дикой перегрузки.

– Тогда мы просто разобьёмся о планету! Если она у этого гиганта есть! – философски заметил Громов, который, кажется, даже в такой ситуации сохранял ледяное спокойствие. Правда, усы у него нервно подрагивали.

– А она есть? – хором спросили мы с Павликом.

– Должна быть! У красных гигантов бывают планеты! Только они обычно непригодные! – дед, наконец, врубил тормозные двигатели, но толку от них было, как от комара, пытающегося остановить грузовик.

В этот момент звездолёт резко качнуло, и из камбуза донесся жуткий грохот. Это наша многострадальная посуда решила, что раз уж мы падаем, то и ей пора.

– Кажется, моя любимая кружка с оленями всё-таки разбилась, – обреченно констатировал я.

– Дим, какая кружка?! Мы сейчас все разобьёмся! – завопила Аня.

Иллюминаторы полыхнули алым. Мы вошли в верхние слои атмосферы звезды. За бортом всё засветилось оранжево-красным, по обшивке побежали языки плазмы. Стало не просто жарко, а невыносимо жарко. Пот градом лился по лицу.

– Жарко-то как! – заорал Павлик, пытаясь отдышаться. –

Я сейчас, как картошка в мундире, испекусь!

– Терпи, сынок! – крикнул дед, вытирая лоб рукавом. – Сейчас я чего-нибудь придумаю! Эврика! Кофеварка, помощи!

Я думал, у деда от перегрева крыша поехала. Но Кофеварка, которая всё это время тихо светилась на своём месте, вдруг засияла в полную силу. Ярко, ослепительно, словно в ней зажглось маленькое солнце. Из её носика вырвался тонкий, но мощный луч чистой энергии, ударил прямо в главный пульт управления, и звездолёт... вздрогнул и выровнялся. Тряска прекратилась.

– Работает, чертовка! – закричал дед, чуть не пустившись в пляс прямо в кресле. – Она взяла управление на себя! Я же говорил, в ней душа есть!

– Куда она нас ведёт? – выдохнула Аня, не веря своему счастью.

– Курс на планету! Вон она! Смотрите все! – дед ткнул пальцем в лобовое стекло.

Прямо по курсу, на фоне багрового диска звезды, висела планета. Она была похожа на гигантский изумруд – зелёная, с бирюзовыми разводами океанов, лёгкой дымкой атмосферы и спиралями облаков. Она висела совсем рядом, и от неё веяло такой жизнью и покоем, что у меня аж сердце защемило.

– Ух ты! – выдохнул Павлик, прилипнув к иллюминатору. – Прямо как на картинке! Там точно есть жизнь!

– Мы спасены! – Аня захлопала в ладоши, и Жужа радостно тявкнула.

– Рано радоваться, – Громов, как всегда, был реалистом. – Посадка может оказаться жёстче, чем хотелось бы. Надеюсь, там есть твёрдая поверхность, а не сплошной океан. Плавать я не люблю, особенно в звездолёте.

– Кофеварка справится? – спросил я, с надеждой глядя на нашу спасительницу, которая всё ещё сияла.

– Должна, – дед нахмурился. – Она сейчас работает на пределе. Если у неё энергии не хватит, мы просто впечатаемся в ту красоту со всей дури.

– Давай, маленькая! – прошептал Павлик, обращаясь к кофеварке. – Ты сможешь! Ты у нас самая лучшая! Я тебе потом бак целый самых лучших зёрен куплю! Колумбийских!

Кофеварка, словно услышав его, мигнула ярче.

Мы входили в атмосферу планеты. Нас снова затрясло, но уже не так, как раньше. За иллюминатором бушевало пламя, обшивка раскалилась докрасна, но кофеварка держала курс идеально, словно заправский пилот. Мы пробивали облака, и сквозь багровую пелену уже было видно зелёное море лесов внизу.

– Держитесь, орлы! – гаркнул дед. – До касания десять секунд! Сгруппировались!

– Как? Как сгруппироваться в кресле? – закричала Аня, вжимая голову в плечи.

– Закрой глаза и думай о чём-нибудь приятном! – посо-

ветовал я, и сам зажмурился.

Удар. Такой, что я прикусил язык. Ещё удар, от которого заскрежетали все переборки. Треск, звон, грохот – это наш сервиз, видимо, окончательно попрощался с жизнью. Нас бросило вперёд, ремни безопасности впились в плечи. И вдруг – тишина. Звонящая, непривычная, полная. Только гудит что-то в двигателе, да потрескивает остывающая обшивка.

– Живы? – прохрипел я, разлепляя глаза.

– Кажется, да... – пискнула Аня. – Жужа, ты как? Жужа чихнула в ответ, что, видимо, означало «нормально, жить буду».

– Руки-ноги на месте? – спросил дед, ощупывая себя. – Павлик?

– Я – да, – ответил Павлик. – А вот мой бутерброд с сыром, который я оставил в кармане, теперь, кажется, плоский, как блин. Хотя, с другой стороны, горячий тост готов.

– Где мы? – спросил я, отстёгивая ремни.

– Похоже, на планете, – сказал Громов, аккуратно выглядывая в разбитый, но не рассыпавшийся иллюминатор. – И, судя по запаху, на очень гостеприимной. Пахнет травой и цветами. Приятно, черт возьми.

– А звездолёт? – забеспокоился дед.

– Цел. Почти. Вон, половина обшивки к чертям, – я кивнул на дыру. – Но герметичность вроде держится.

– А двигатель?

Дед нажал несколько кнопок на пульте. Пусто. Лампочка «Авария» горела алым, не мигая.

– Мёртв, – констатировал он с тяжёлым вздохом. – Будем чинить. Благо, у меня с собой инструмент есть и пара запасных кристаллов. Только вот найду ли я поломку – это вопрос.

– Ну, – я встал, разминая затёкшие ноги. – Пойдём, глянем, куда это нас занесло?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.